Тайное
соглашение
в Йоркшире
У каждой тайны есть своя цена
У этой — слишком высокая
ИРИНА САМОРОДОВА

Ирина Самородова
Тайное соглашение в Йоркшире

https://litres.ru/74446432
SelfPub; 2026

Аннотация

Предательство лучшей подруги в один миг лишает молодую учительницу Элизабет работы, репутации и средств к существованию. Единственным спасением становится неожиданное предложение из агентства — отправиться в Йоркшир, в уединенное поместье Блэквуд-Холл, чтобы стать гувернанткой для капризной леди Оливии, маленькой дочери графа Кристофера.Блэквуд-Холл встречает Элизабет неприветливыми грозовыми тучами и мрачными фамильными секретами, которые надежно спрятаны за каменными стенами старинного замка. Однако самым опасным испытанием оказывается сам хозяин поместья.Чтобы не потерять право опеки над дочерью в жестоком суде против собственных родителей, граф Кристофер предлагает Элизабет безумную сделку. Тайное соглашение, согласно которому скромная гувернантка должна притвориться его невестой...Но что делать, если навязанная близость рождает настоящие чувства, а темные тайны Йоркшира вот-вот вырвутся наружу? Ведь у каждой тайны есть своя цена. И у этой — она может оказаться слишком высокой.

Содержание

Глава 1. Контракт на пороге бури. 4
Глава 2. Запертые туманом. 16
Глава 3. Гонец и пустой класс. 29
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Ирина Самородова
Тайное соглашение в Йоркшире

Глава 1. Контракт на пороге бури.

Всего сорок восемь часов назад у Элизабет Сэвилл было все, о чем только могла мечтать независимая девушка в Англии: уважение коллег, престижное место старшей учительницы в лондонском пансионе мисс Грин и скорое замужество. Все рухнуло в один дождливый четверг.

Элизабет должна была вернуться со столичной выставки только к вечеру, но поезд пришел раньше. Сгорая от предвкушения и сжимая в руках подарок для своего жениха, Томаса, – редкое издание стихов, которое она откладывала два месяца, – она без стука вошла в его квартиру. Звуки, доносившиеся из спальни, заставили ее замереть на пороге. Дверь была полуоткрыта. На их будущем супружеском ложе, среди смятых простыней, Томас сжимал в объятиях женщину.

Элизабет хотела закричать, но ее голос, куда-то пропал. В тот же миг любовница обернулась, и Элизабет словно ударило током, это была Джулия. Лучшая подруга, коллега, с ко-

торой они делили комнату в пансионе и, которой Лиза доверяла все свои девичьи тайны. Томас в панике начал оправдываться, но Элизабет не слышала. Оставив подарочную книгу на столе, она выбежала под ливневый дождь, дрожа от ужаса, обиды и боли, не замечая, что уже промокла до нитки, она добралась до своей комнаты рыдая от двойного предательства.

Она думала, что это самое страшное испытание выпало на ее долю, но она ошибалась. Джулия оказалась не просто изменницей, а расчетливой хищницей. На следующее утро Элизабет вызвали в кабинет начальницы пансиона. На столе мисс Грин лежало досье, составленное с виртуозной жестокостью. Там были письма, якобы написанные рукой Элизабет, из которых следовало, что она тайно встречается с мужчинами за деньги. Излияния Джулии, которая со слезами на глазах «подтвердила», что давно замечала за подругой «греховные наклонности», довершили дело.

– Вы уволены без выходного пособия и без рекомендаций, мисс Сэвилл, – ледяным тоном отрезала мисс Грин. Скажите спасибо, что я не заявляю в полицию. Ваше место займет более благочестивая особа. Мисс Джулия согласилась взять на себя ваши классы.

В тот же день Элизабет выставили на улицу с одним чемоданом. Из окна пансиона на нее победоносно смотрела Джулия, уже примеряя на себя статус старшей учительницы. У Лизы оставались последние шиллинги.

В лондонском агентстве по найму миссис Трент с иронией сказала, что с «волчьим билетом» от мисс Грин путь в столичные дома для нее был закрыт. Элизабет уже готова была впасть в полное отчаяние, когда пожилая владелица агентства, сжалясь над бедной и измученной девушкой вздохнула и достала из-под стола скрытую папку.

– Есть один вариант, мисс Сэвилл. Но это далеко отсюда, на севере, в суровом графстве Йоркшир. Его сиятельство граф Блэквуд ищет старшую гувернантку для своей дочери, причем крайне срочно. Ищет немедленно, буквально за считаные часы, так как завтра на рассвете уезжает в Швейцарию на длительное время. Мы хотели уже направить туда девушку, но видя, какая у вас ситуация, думаю лучше поехать туда вам. Предыдущая учительница сбежала оттуда вечером в слезах, не продержавшись и недели. Граф Блэквуд выслал контракт, почти безумный, жалование предлагается по нему огромное – сорок фунтов в год, и аванс на дорожные расходы, доверив мне право подписи для любого, кто рискнет приехать к ним в графство, и быть гувернанткой для его чертенка с косичками. Это ваш единственный шанс спастись от голода, дитя мое. Но учтите – Блэквуд-Холл называют склепом.

Элизабет, понимая, что это ее единственный шанс выжить и скрыться от позора, не раздумывая, согласилась. Ей было жизненно необходимо получить эту работу с полным пансионом, уехать как можно дальше от Лондона, от позора и пре-

дательства Томаса и Джулии. Оформив спешно бумаги и забрав аванс, она ночным дилижансом отправилась на север в графство.

Дорога до Йоркшира была изнурительной. Оглушительный грохот сменился тряской в угрюмом почтовом дилижансе, который часами вез ее сквозь стену проливного дождя и наступающие сумерки.

Когда колеса кареты, наконец, заскрипели и остановились, кучер угрюмо бросил: «Приехали, мисс. Блэквуд-Холл. Элизабет глубоко вздохнула, собирая в кулак остатки мужества, ступила на сырую, пахнущую торфом и дождем йоркширскую землю. Страшный порывистый ветер едва не сорвал с нее дорожную шляпку, заставив плотнее натянуть шаль. Лиза подняла глаза, и у нее перехватило дыхание от величественного и пугающего зрелища, которое открылось ее взору.

***

Перед ней, словно высеченный из самого грозового неба, высился старинный замок Блэквуд-Холл. Построенный из тяжелого, почти черного от времени и влаги камня, он казался древним исполином, охраняющим эти дикие пустоши. Острые шпили его башен вонзались в свинцовые тучи, а зубчатые стены были покрыты вековым мхом и шрамами от частых северных бурь. Высокие окна верхних этажей зияли темнотой, словно слепые глазницы, отражая редкие, далекие вспышки молний на горизонте. Замок выглядел заброшен-

ным, но в его мрачном силуэте чувствовалась колоссальная, первобытная сила и суровое величие. Блэквуд Холл казался не просто домом, а неприступной каменной крепостью, запертой от всего остального мира туманами и штормами. От всего этого веяло тайной, и Лиза поняла, что за этими стенами ее ждет совершенно иная жизнь.

Пожилой дворецкий со шрамом на щеке молча взял ее чемодан и провел внутрь. Кабинет графа Блэквуда напоминал поле боя, на котором спешно сворачивали лагерь. Повсюду лежали перевязанные бечевкой папки, на ковре высились кожаные саквояжи, а в воздухе пахло дорогим табаком и сургучом. Сам хозяин дома стоял спиной к двери у массивного дубового стола. Он даже не обернулся, когда дворецкий глухо произнес: «Мисс Элизабет Сэвилл, ваша милость».

– Подойдите ближе, мисс Сэвилл, – раздался низкий, ровный голос, от которого у Элизабет по спине пробежал легкий холодок.

Она сделала три шага вперед. Элизабет очень старалась, чтобы подол ее дорожного платья из плотной ткани цвета грозового неба не шуршал слишком громко. Ткань на локтях была слегка затерта, но платье сидело на ее тонкой хрупкой фигуре безупречно. Воротничок-стойка из скромного белого кружева был, плотно застегнут под самым подбородком на маленькую перламутровую пуговицу, подчеркивая гордую осанку. На ногах Элизабет были простые кожаные ботинки на шнуровке и низком каблуке. Они были забрызга-

ны лондонской грязью, но аккуратно обтерты перед входом в замок.

Граф, наконец, повернулся. Элизабет едва заметно сжала кулаки. Он оказался моложе, чем она ожидала: на вид около тридцати пяти лет. Кристофер Блэквуд обладал хищной, опасной привлекательностью. Его жесткие черты лица волевой подбородок с едва заметной ямкой и резкие, словно высеченные из гранита скулы, на которых сейчас от злости ходили желваки, – выдавали властный нрав. Густые волосы черного цвета были коротко подстрижены сзади, но слегка растрепаны сверху, словно он в раздражении запускал в них пальцы.

– У меня ровно семь минут до подачи кареты, – граф окинул ее быстрым, оценивающим взглядом с головы до ног.

Его темные, почти черные глаза, ястребиным взглядом прошлись по ее лицу. Он задержал взгляд на высоких, четко очерченных скулах Элизабет и ее густых каштановых волосах, которые были гладко зачесаны назад и уложены в строгий, безупречный, учительский пучок на затылке. Ни одна прядь не смела выбиться. Ее пухлые от природы губы сейчас были плотно сжаты в тонкую линию, выдавая предельное волнение, но в янтарно - карих глазах горела твердость.

Кристофер застегнул золотую запонку на манжете сорочки. Он был одет в роскошный, дорожный костюм: темно-бордовый жилет из плотного шелка и тяжелый сюртук из тончайшего черного сукна, идеально подчеркивающий ши-

рокие плечи. Высокий накрахмаленный воротник сорочки был, слегка расстёгнут. На его ногах высились сапоги из мягкой дорогой кожи, начищенные до зеркального блеска. При каждом движении шпоры на них угрожающе и звонко звенели.

– Владелица агентства уверяла, что вы лучшая выпускница кембриджских курсов, – продолжил он, и на его чувственных губах мелькнула циничная, холодная усмешка. – Но умолчала, почему вы ищите место в середине семестра. Впрочем, мне наплевать. Мне нужен человек, который обуздает моего чертенка Оливию.

– Я умею находить подход к трудным детям, милорд, – тихо, но твердо произнесла Элизабет, выпрямляя спину под его пронизывающим взглядом. От нее пахло лавандовым мылом и старыми книгами – «парфюм», который она могла себе позволить.

– Моя дочь – не просто трудный ребенок, мисс Сэвилл, она – стихийное бедствие, – граф резко шагнул к столу. Шпоры на его сапогах коротко звякнули. Он потянул на себя лист плотной бумаги и обмакнул перо в чернильницу. – В Швейцарии меня ждут дела, я буду отсутствовать три месяца. Контракт стандартный, жалование – сорок тысяч фунтов в год. Если вы сбежите до моего возвращения, вы навсегда забудете о работе в приличных домах. Вопросы?

– Всего один, милорд. Каковы границы моих полномочий в воспитании леди Оливии?

Граф на мгновение замер, удерживая перо над бумагой. Острый взгляд его черных глаз заставил Лизу затаить дыхание.

–Полные, мисс Сэвилл. Делайте, что хотите лишь бы дом остался цел.

Он размашисто поставил подпись, оставив жирную черную точку в конце. В этот же миг со стороны парадной лестницы донесся оглушительный звон разбитого фарфора, сопровождаемый истошным криком кухарки: «Боже правый! Держите ее! Она убьётся!»

Перо в пальцах графа с треском переломилось пополам. Он выругался: глухо, по-мужски. Его совершенно не заботило то, что рядом стоит леди. Отбросив обломок, он быстрым шагом вылетел из кабинета, шпоры на его сапогах яростно звякнули. Элизабет, позабыв о правилах приличия, бросилась следом, придерживая подол своего платья.

В холле первого этажа царил хаос. Дворецкий, обычно невозмутимый, сейчас растерянно топтался у подножия парадной лестницы. Горничная всхлипывала, прижимая к фартуку окровавленную ладонь, а у ног раскинулось белое месиво из осколков дорогого супника и пролитого супа. Но хуже всего было то, что происходило наверху. На самой балюстраде второго этажа, опасно перевесившись через перила, сидела девочка.

На вид ей можно было дать не больше десяти лет – хрупкая, тоненькая, она казалась совсем ребенком, потерявшим-

ся в огромном мрачном пространстве Блэквуд-Холла. Из-за этой обманчивой детской невинности ее яростный бунт выглядел еще более пугающим. Лицо девочки обрамляла копна диких, непослушных кудрей светло-русого оттенка. Волосы были запутаны, в них торчали мелкие щепки – очевидно, она давно не позволяла прикоснуться к себе с гребнем. На бледном, осунувшемся личике выделялись огромные, распахнутые глаза цвета вечернего неба - глубокого темно-синего оттенка. В них застыли одновременно и вызов, и невыплаканная, давящая изнутри боль. Красиво очерченные от природы, пухлые детские губки сейчас были слегка припухшими от безмолвных ночных слез. На Оливии был дорогой домашний костюм из некогда изящного бархата, но сейчас он находится в плачевном состоянии. Рукава были разодраны по швам, на коленях зияли огромные дыры, сквозь которые белела кожа, а подол был испачкан сажей. Словно она намеренно уничтожала одежду, которую ей покупали. На ногах девочки красовались туфельки из мягкой кожи, но один ремешок был оторван, носы безжалостно сбиты, а подошва покрыта слоем пыли. В своих тонких руках этот ангел сжимал тяжелую кованую кочергу.

– Оливия! – голос графа громом раскатился под сводами холла. В нем звенела такая ярость, что Элизабет невольно сделала шаг назад.

– Живо иди в свою комнату! Меня карета ждет! Совсем нет времени на твои капризы. – Продолжил граф

– Вот и катись в свою Швейцарию! – звонко, с надрывом выкрикнула девочка, и в ее голосе Элизабет уловила не столько злость, сколько отчаянные, рвущие горло слезы. – Катись к своим чертовым фабрикам! Я ненавижу тебя! Ненавижу этот дом! И ни одна твоя лондонская курица не задержится здесь больше дня!

С этими словами Оливия замахнулась кочергой и с силой обрушила ее на стоящую, на постаменте мраморную вазу. Ценный антиквариат с грохотом полетел вниз, вдребезги разбиваясь о каменный пол в полуметре от сапог Кристофера. Осколок камня полоснул графа по щеке, и на бледной коже, прямо под скулой, тут же проступила тонкая полоса крови.

– Милорд! Лошади застоялись, пора выезжать, иначе опоздаем на ночной дилижанс! – в открытые двери холла заглянул кучер, но, оценив обстановку, мгновенно умолк и снял шляпу.

Кристофер Блэквуд не шевелился. Он медленно достал из кармана бордового жилета белоснежный платок, прижал его к щеке и посмотрел наверх. Оливия тяжело дышала, глядя на отца сверху вниз с вызовом, но ее плечи в порванном бархатном костюме мелко дрожали. Она ждала… Ждала, что он побежит на верх и запрет ее. Элизабет затаив дыхание как педагог понимала, что девочка устроила этот безумный погром только для того, чтобы отец не уезжал. Это был дикий, искаженный крик о помощи ребенка, оставшегося в одиноче-

стве со своим горем. Граф медленно опустил платок, на котором расплывалось красное пятно. Взгляд его темных глаз стал ледяным. Он повернулся к кучеру.

– Распрягайте лошадей, Джон. Разгрузите багаж. В Швейцарию мы не едем.

Наверху раздался судорожный вздох. Оливия, кажется, сама не поверила тому, что ее план сработал. Кочерга с глухим стуком выпала из ее ослабевших рук и покатилась по ковру. Девочка резко развернулась и, сверкнув сбитыми туфельками, скрылась в глубине коридора второго этажа, с грохотом захлопнув дверь своей комнаты.

В холле повисла тяжелая, звенящая тишина. Слуги замерли, боясь дышать. Граф медленно повернулся к Элизабет. На его лице не осталось и следа прежней спешки – только глухая, свинцовая усталость и затаенная злость человека, у которого отобрали контроль над его собственной жизнью.

– Что ж, мисс Сэвилл, – тихо произнес он, и этот тихий тон пугал куда сильнее прежнего крика, – Судьба решила предоставить мне сомнительное удовольствие лично понаблюдать за вашим триумфом… или вашим позорным бегством. Располагайтесь. Из-за этой маленькой «дряни» мы застряли здесь вместе как минимум до зимы. С этими словами граф круто развернулся, и шпоры на его высоких сапогах в последний раз раздраженно звякнули по каменным плитам. Он скрылся за дверями библиотеки, с грохотом хлопнув их за собой.

Холл опустел за считанные мгновения. Элизабет осталась стоять посреди обломков мрамора и пролитого супа, сжимая в руке ручку своего единственного потрепанного чемодана. Добро пожаловать в Блэквуд-Холл…

Глава 2. Запертые туманом.

Тяжелая дубовая дверь, за которой скрылся граф, казалось, до сих пор вибрировала от его гнева. Элизабет глубоко вздохнула, пытаясь унять свою дрожь в коленях, и посмотрела наверх, где только что на балюстраде стоял разгневанный маленький ангел с кочергой. Пожилой дворецкий со шрамом на щеке, наконец, придя в себя, издал тихий стон и принялся собирать осколки фамильного фарфора.

– Мисс Сэвилл, верно? – он скорбно посмотрел на Элизабет. – Позвольте, я провожу вас. Настоятельно рекомендую вам не выходить из вашей комнаты до утра. Его милость в ярости, а леди Оливия…храни нас Господь, девочка совсем потеряла рассудок после похорон матери.

Элизабет молча кивнула и пошла за стариком по крутой винтовой лестнице. Ее комната оказалась на третьем этаже, в левом крыле поместья. Она была просторной, но холодной и пахла сыростью с давно не топленым камином. Мебель из темного дерева, тяжелые портьеры, не пропускающие дневной свет, и узкая кровать. Оставив чемодан у двери, Лиза подошла к окну. Небо над Йоркширскими пустошами наливалось свинцом, и первые крупные капли шквального дождя с силой ударили по раме. Начинался обещанный шторм, который окончательно отрезал Блэквуд-Холл от цивилизации.

Одиночество и тишина старого дома обрушилась на Элизабет. Сидя на краю жесткой постели, она снова вспомнила Лондон. Вспомнила лицо Джулии, смотрящее из окна пансиона, и Томаса, чьи извинения были жалкими и фальшивыми. Двойное предательство до сих пор жгло грудь, но здесь среди чужих бурь, эта боль внезапно притупилась. У Элизабет просто не было времени на жалость к себе. Ей нужно было выжить.

Часы в коридоре пробили одиннадцать. Поздним вечером Блэквуд-Холл погрузился в тяжелое, гнетущее молчание. За высокими окнами Йоркшир содрогался от шквального ветра; косые струи ледяного дождя с силой хлестали по стеклам, окончательно отрезая поместье от внешнего мира.…

В комнате Элизабет было так холодно, что изо рта шел едва заметный пар. Старое одеяло совсем не грело, а из-за пережитого за день стресса горло неприятно сдавило сухостью. Лиза поняла, что не сможет уснуть, пока не согреется. Накинув на плечи теплую дорожную шаль поверх ночной сорочки, она взяла подсвечник и тихо приоткрыла дверь своей комнаты. Она спустилась на первый этаж, в надежде отыскать кухню и раздобыть хотя бы кружку горячего чая. Огромный дом казался вымершим – слуги, напутанные дневным гневом хозяина, давно попрятались по своим каморкам. Шаги Элизабет в простых домашних туфлях беззвучно тонули в темноте коридоров. Проходя мимо двуярусной графской библиотеки, она внезапно замерла. Из-за плотной дубовой

двери не доносилось ни звука, но Элизабет увидела приоткрытую дверь, из щели которой пробивалась тонкая полоса теплого золотистого света. Движима любопытством и профессиональной привычкой проверять, все ли в порядке в доме, где бунтует ребенок, Лиза осторожно заглянула внутрь.

***

В библиотеке пахло старой кожей, сухими травами и крепким бренди. Камин был разожжен, и багровые отблески пламени плясали на корешках сотен книг, уходящие под самый потолок. Граф сидел в глубоком кожаном кресле у огня. Тяжелый суконный сюртук был небрежно брошен на спинку соседского кресла, Кристофер остался в одной белоснежной сорочке и бордовом шелковом жилете. На низком столике рядом стоял полупустой хрустальный стакан. Элизабет собиралась тихо уйти, но ее взгляд упал на лицо графа, он до сих пор держал в руке платок, безуспешно пытаясь прижать его к бледной щеке. Прямо под скулой багровела и воспалялась царапина от осколка. Услышав легкий шорох ее туфель, Кристофер резко повернул голову. Его черные ястребиные глаза опасно блеснули в полумраке.

– Я не звал слуг, – ледяным тоном отрезал он…

– Я знаю, милорд, – Элизабет не отступила. Она сделала несколько шагов вперед, бесшумно ступая по ковру. В руках она сжимала небольшую фаянсовую пиалу с чистой водой и полоски льняного полотна, которые захватила на комоде при входе в библиотеку.

– Если вы оставите эту рану в таком виде, к утру йоркширская сырость превратит ее в сильное воспаление. Позвольте мне оказать вам посильную помощь…

Граф цинично усмехнулся, приподнимая бровь.

– Вы нанимались гувернанткой для моей дочери, мисс Сэвилл, а не личным лекарем для меня.

– В пансионе мисс Грин старшая учительница обязана уметь обрабатывать раны разбивших носы воспитанниц, – спокойно парировала Лиза, подходя ближе. От нее веяло лавандой и холодом коридоров. – Полагаю, кожа графа мало чем отличается от кожи капризных девчонок. Она так же уязвима для инфекций.

Кристофер замер. Никто в этом доме, включая его покойную супругу, не смел, разговаривать с ним в таком тоне – без трепета с мягкой, но непреклонной уверенностью профессионала. Это секундное замешательство решило все. Лиза опустилась на низкую скамеечку для ног прямо перед его креслом. Они оказались лицом к лицу. Так близко, что Элизабет могла разглядеть золотистые искры в глубине его темных глаз и почувствовать жар, исходящий от его тела. Ее сердце предательски забилось быстрее, но руки оставались безупречно точными. Она смочила кусок льна в воде и мягко коснулась его скулы. Граф резко дернулся, его желваки заходили ходуном, а пальцы с силой впились в кожаные подлокотники кресла.

– Больно? – тихо спросила она, не поднимая глаз и береж-

но стирая запекшуюся кровь.

– Не придумывайте лишнего, мисс Сэвилл. Меня не ранить осколком мрамора, его голос стал глуше, потеряв прежний ледяной тон. Кристофер смотрел на нее сверху вниз. Вблизи, без строгой учительской шляпки, ее каштановые волосы в отсветах камина отливали чистым золотом, а янтарно-карие глаза казались огромными. Лиза достала из кармана маленькую баночку с цинковой мазью, которую всегда носила с собой в кармане. Обмакнув подушечку пальца в прохладный крем, она коснулась его горячей кожи. Это прикосновение было невероятным, по спине ее пробежали мурашки. Элизабет бережно втирала мазь, ее дыхание щекотало его шею, а ее пухлые губы, которые она от усердия слегка прикусила, находились в полу вздохе от него. В библиотеке воцарилась звенящая тишина, нарушаемая только треском поленьев и воем бури за окном. Воздух между ними словно наэлектризовался.

– Вы зря остались, – вдруг тихо произнес граф, его взгляд переместился на ее губы. – Оливия уничтожит ваши нервы. Она одержима обидой.

– Она не одержима, милорд, – Лиза закончила замазывать рану мазью, но ее пальцы на мгновение задержались у его подбородка, прежде чем она заставила себя отнять руку. – Она разбила вазу только для того, чтобы вы не уезжали. Ребенок кричит, когда другие способы привлечь внимание отца исчерпаны. Глаза графа мгновенно потемнели, пре-

вратившись в бездонные колодцы. В них вспыхнул опасный огонь. Он резко выбросил руку вперед и железной хваткой перехватил тонкое запястье Элизабет. Пиала с водой на столе едва не перевернулась. Лиза испуганно охнула, встретившись с ним взглядом. Его ладонь была горячей и сухой, а пальцы сжимали ей руку так крепко, что она физически ощутила его первобытную, скрытую силу.

– Вы переходите границы, мисс Сэвилл, – пророкотал он, медленно притягивая ее чуть ближе к себе, отчего Лиза была вынуждена опереться свободной рукой о его колено.– Я вам плачу за уроки и хорошие манеры для моей дочери, но я не нанимал вас семейным психологом. Не смейте лезть в мои отношения с Оливией. И не смейте судить о том, чего не знаете.

Элизабет чувствовала, как под ее ладонью напряглись мускулы его колена, а его дыхание обжигает ее лицо. Между ними искрило такое мощное, пугающее притяжение, от которого закружилась голова. Но гордость учительницы не позволила ей показать страх. Она не попыталась вырвать руку. Вместо этого она посмотрела прямо в его ястребиные глаза.

– Вы можете уволить меня прямо сейчас, милорд, – твердо сказала она, хотя ее пульс под его пальцами бился как сумасшедший. – Но пока я здесь, я буду защищать этого ребенка даже от ее собственного отца.

Кристофер Блэквуд несколько бесконечных секунд всматривался в ее лицо, словно пытался разгадать, откуда в этой

хрупкой бесприданнице столько чистой, несгибаемой воли. Затем он медленно, почти неохотно разжал пальцы, отпуская ее запястье. На ее нежной коже остался отчетливый красный след…

– Идите спать, мисс Сэвилл, – глухо произнес граф, отворачиваясь к камину, он потянулся к стакану с бренди. – Завтра у вас тяжелый день, если, конечно, вы не обнаружите утром в своих туфлях битое стекло.

Лиза поднялась, поправила шаль, и, направилась к выходу. Уже у самой двери она обернулась. Граф сидел неподвижно глядя на огонь, а на его мужественном лице белел след от ее мази.

***

Элизабет вышла из библиотеки, плотно прикрыв за собой тяжелую дубовую дверь. Сердце в груди все еще отстукивало сумасшедший ритм, а запястье, которого касались горячие пальцы Кристофера, до сих пор покалывало. Ей срочно нужно было прийти в себя.

Покрепче перехватив подсвечник, Лиза миновала темный коридор и направилась в столовую, за которой располагалась кухонная зона. К ее удивлению, оттуда доносился тихий стук ножа и приятное, уютное ворчание закипающей воды. Лиза заглянула внутрь и выдохнула от облегчения: на огромной кухне, освещенной парой масляных ламп, у плиты хлопотала полная женщина в чистом фартуке. Она кипятила массивный медный чайник и параллельно готовила заготовки на

следующий обед – чистила корнеплоды и занималась нарезкой овощей. Кухарка Джина обернулась на звук приближающихся шагов, вытирая руки о край передника. Ее доброе, круглое лицо просветлело при виде гостьи.

– О! Мисс, чем я могу вам помочь? – негромко спросила она. Элизабет окинула кухню уставшим взглядом, более плотно натянув шаль на плечи, чтобы защититься от сквозняка, гуляющего по полу, и тихо сказала:

– Прошу прощения, Джина. Не могли бы вы налить мне кружку горячего чая? В комнате наверху ужасно сквозит, и я никак не могу согреться после дороги.

– Ох, милочка, да о чем речь! Садитесь скорее к огню, вы же бледная как приведение, – запричитала кухарка, выдвигая тяжелый деревянный стул у длинного рабочего стола в центре кухни. – Наш замок Блэквуд-Холл в шторм превращается в настоящий ледник, особенно левое крыло. Лиза с благодарностью опустилась на стул. Тепло от кухонной плиты постепенно прогоняло лихорадочную дрожь. Джина суетливо возилась с кипятком, заваривая крепкий черный чай. Через минуту она поставила перед Лизой большую дымящуюся глиняную кружку, от которой поднимался аромат бергамота. Но на этом кухарка не остановилась. Она достала свежий хлеб, отрезала два толстых ломтя, щедро смазала их домашним сливочным маслом и положила сверху сочные куски холодной запеченной буженины. Поставив тарелку перед Лизой, Джина, подперев кулаком щеку, ласково пододвину-

ла свободной рукой тарелку с угощением.

– Вот, мисс Сэвилл, подкрепитесь бутербродами. На одной воде да чае в наших пустошах не выжить. Я понимаю, что вы с дороги и ничего не ели, да еще после этого…- кухарка неопределенно махнула рукой в сторону парадной лестницы, намекая на погром, - из-за суматохи. Кушайте, милая, кушайте.

Элизабет почувствовала, как к горлу подступил комок от такой простой, бесхитростной заботы. После предательства и холодного приема графа, это теплое отношение Джины было как бальзам на душу. Она взяла бутерброд, сделала первый глоток обжигающего чая и тепло улыбнулась кухарке:

– Спасибо вам, Джина. Вы даже не представляете, как мне это сейчас было нужно. Кухарка лишь сочувственно вздохнула, глядя на хрупкую учительницу.

– Тяжело вам тут придётся, мисс. Предыдущие-то гувернантки от капризов леди Оливии через неделю в слезах уезжали. Но вы, я гляжу, покрепче будете. Да и его милость… – Джина понизила голос до шепота, косясь на дверь, – его милость сегодня сам не свой. Из-за сорванной поездки чернее тучи ходит. Вы с ним аккуратнее там, на глаза лишний раз не попадайтесь. Элизабет опустила взгляд в кружку, вспоминая белизну мази на его скуле и опасный огонь в его глазах.

– Постараюсь, Джина, – тихо ответила она. – Но, кажется, у нас у всех в этом доме впереди очень долгая зима.

***

Элизабет, подкрепившись и искренне поблагодарив Джину за неожиданное тепло, поспешила вернуться в свою комнату. Обжигающий чай с бергамотом, наконец, согрел ее изнутри, а сытный перекус вернул силы. Бережно неся в руке подсвечник, огонек которого слабо колебался от сквозняков, она поднялась на второй этаж. Лиза собиралась пройти по коридору к лестнице, ведущей на третий этаж к ее комнате, но внезапно замерла. В дальнем конце галереи она с удивлением обнаружила открытую дверь в комнату девочки. Плотное полотно дубовой двери было приоткрыто на несколько дюймов, и изнутри не доносилось ни звука. Любопытство и профессионализм не заставили себя ждать. Элизабет знала, что после такого эмоционального взрыва оставлять десятилетнего ребенка в одиночестве ночью – опасно. Забыв о собственной усталости, она приглушила ладонью свет своей свечи, тихо подошла ближе и вгляделась в полумрак комнаты леди Оливии. Внутри было темно, лишь бледный лунный свет, пробивавшийся сквозь щель в тяжелых шторах, разрезал пространство. В этом призрачном сиянии комната казалась полем битвы: на полу все еще лежали осколки разбитых вещей и разорванные книги. Но взгляд Элизабет приковало совсем другое.

Оливия не спала. Девочка сидела на полу прямо у кровати, поджав под себя худые ноги в дырявом бархатном костюме. Ее светло-русые кудри растрепанным облаком падали на плечи, а огромные глаза цвета вечернего неба были устрем-

лены на небольшой холст, освещенный огарком свечи. На нем углем был набросан портрет женщины с мягкой, грустной улыбкой – покойной графини Блэквуд. Рисунок был выполнен с поразительным, почти профессиональным талантом, но сейчас он был испачкан. Оливия раз за разом проводила пальцем по лицу нарисованной матери, а ее пухлые губы беззвучно шевелились, словно она шептала то, что никогда не решилась бы сказать отцу. Из ее глаз одна за другой катились безмолвные слезы, оставляя чистые дорожки на испачканных сажей щеках. В этот момент она больше не выглядела дерзким чудовищем, размахивающим кочергой. Она просто была глубоко несчастным, сломленным ребенком, который отчаянно скучал по маме. Элизабет почувствовала, как у нее сжалось сердце. Ложное обвинение в Лондоне, предательство жениха и ее лучшей подруги – все это показалось таким мелким по сравнению с этим чистым, детским горем. Ей безумно хотелось войти, обнять эту «колючую» девочку и пообещать, что она защитит ее. Но Лиза, как опытный педагог, вовремя остановила себя. Оливия была слишком гордой. Если сейчас нарушить ее уединение и показать жалость, девочка замкнется в себе еще сильнее и возненавидит новую гувернантку.

Сделав глубокий вздох, Элизабет бесшумно отступила назад в тень коридора. Она тихо, едва слышно прикрыла дверь, оставив Оливию наедине с ее тайной, и на цыпочках поспешила к лестнице, ведущей на третий этаж. Теперь Элизабет

знала главное: Оливию нужно спасать не строгими нотациями, а искусством. Рисование – вот ее мостик к этой израненной душе.

Элизабет пришла в свою комнату и к ее удивлению, камин, который еще пару часов встретил ее ледяной чернотой, теперь ярко пылал. Комната наполнилась приятным, густым ароматом свежей хвои и сухого можжевельника – кто-то заботливо подбросил в огонь смолистые поленья. От стен больше не веяло могильным холодом. По комнате растекалось благодатное, убаюкивающие тепло. Она осмотрела комнату: все вещи оставались на тех же местах, где она их оставила. Потрепанный чемодан все так же скромно стоял у стены, дорожная шаль привычно скользнула с ее плеч на спинку стула. Ни единая мелочь не выдавала присутствие постороннего. И только сейчас, глядя на пляшущие по потолку янтарные блики пламени, Элизабет окончательно поняла, как она устала и была измучена всеми этими событиями двух последних дней. Предательство Томаса, подлая клевета Джулии, позорное изгнание из пансиона под проливной дождь, сумасшедшая дорога в Йоркшир и, наконец, этот безумный вечер.… Все это навалилось на нее свинцовой тяжестью. Силы, которые она так отчаянно удерживала в себе ради сохранения гордости перед графом и его дочерью, наконец, покинули ее. Лиза опустилась на кровать, которая теперь казалась удивительно мягкой. Ее веки потяжелели.… За окном все еще бесновалась и выла йоркширская буря, но здесь в коконе

из хвойного тепла и сытого покоя, страх отступил. Закрывая глаза, Лиза подумала о том, что Блэквуд-Холл, возможно, и был проклятым местом для его обитателей, но этой ночью он подарил ей самое главное – убежище.

Глава 3. Гонец и пустой класс.

Наступило утро. Шторм, наконец, утих, и только изредка покачивались кроны старых деревьев от легкого прохладного ветра. Лиза подошла к окну своей комнаты на третьем этаже и отодвинула тяжелую портьеру. Погода в Йоркшире оставалась обманчивой: густые, тяжелые облака все еще громоздились на самом горизонте, и иногда, беззвучно сверкая, их насквозь пронизывала далекая молния. Надвигалась новая гроза, но пока природа дала обитателям Блэквуд – Холла короткую передышку.

Лиза решила переодеться и спуститься на первый этаж. Она выбрала свое второе чуть более строгое платье из плотной темно-синей ткани, тщательно пригладила щеткой каштановые волосы и снова затянула их в безупречный узел. Ей нужны были броня и профессиональный вид.

Когда Элизабет спустилась, большой дубовый стол в столовой уже был накрыт на три персоны: тонкий фарфор, серебряные приборы, свежий хлеб и дымящийся кофейник. Но в самой комнате никого не было. Тишина стояла звенящая. Лиза прошла чуть дальше и заглянула на кухню, она поинтересовалась у Джины, где все? Кухарка, как всегда, возилась у плиты, подготавливая заготовки на следующий обед, и в воздухе уже вкусно пахло запекающимся мясом с травами.

Джина обернулась и очень тепло, как то по-отечески улыбнулась молодой учительнице:

– Доброе утро, мисс Сэвилл, – негромко сказала она, вытирая руки. – леди Оливия редко спускается к утренней трапезе, обычно ей носят поднос прямо в детскую, когда она соизволит проснуться. А граф с самого рассвета в библиотеке работает. Нам он сказал, что завтракать будет позже, просил его не беспокоить.

– Спасибо, Джина, – мягко кивнула Лиза.

Элизабет вернулась к столу, присела на самый край стула и только собралась начать трапезу, потянувшись к чашке с чаем, как за спиной услышала шаги: тяжелые, уверенные, сопровождаемые знакомым, едва слышным звоном шпор. Дверь распахнулась, и в столовую вошел граф с ледяным выражением лица. Кристофер Блэквуд уже сменил дорожный костюм на строгий домашний фрак глубокого черного цвета, но под ним был все тот же бордовый шелковый жилет, который Элизабет видела ночью. Он двигался безупречно, уверенно, словно полностью восстановил контроль над домом и собственной жизнью. Граф сел во главе стола и небрежно развернул салфетку. Всем своим видом Кристофер делал вид, что ночной сцены в библиотеке, его минутной уязвимости и ее пальцев на его коже просто не было.

– Доброе утро, мисс Сэвилл, – сухо произнес он, даже не взглянув на нее и наливая себе черный кофе. – Надеюсь, вы выспались?

– Доброе утро, милорд, – ответила Элизабет, сохраняя идеальную осанку. Она подняла на него взгляд и замерла на полу вздохе. Ей не нужно было приглядываться, чтобы заметить: его вчерашняя царапина на бледной коже, прямо под скулой, затянулась. Мазь, которую Лиза втирала ночью, сняла все воспаление, оставив лишь едва заметный, тонкий розовый след, который к вечеру обещал исчезнуть. Граф перехватил ее внимательный взгляд. На мгновение его ястребиные черные глаза потемнели, а губы упрямо сжались, выдавая, что он прекрасно помнит каждое прикосновение ее прохладных пальцев. Но сословная гордость взяла вверх. Он демонстративно отвел взгляд к своей тарелке, словно Элизабет была лишь деталью интерьера.

– Сегодня в десять часов утра вы начнете первый урок с Оливией, – ледяным тоном, не терпящим возражений, произнес он, разрезая ножом холодный ростбиф. – Книги и тетради подготовлены в малом классе правого крыла. Посмотрим, какова хваленая кембриджская выучка на практике.

Элизабет не собиралась покорно играть роль безмолвной тени в его доме. Предательство в Лондоне научило ее одному: если ты молчишь, когда тебя пытаются подавить, тебя уничтожат. Она сделала небольшой глоток чая, аккуратно поставила чашку на тонкое фарфоровое блюдце и расправила плечи.

– Я буду в малом классе ровно в десять, милорд, – спокойно ответила она, выдерживая его пронизывающий взгляд. –

Однако я бы хотела, чтобы с завтрашнего дня леди Оливия завтракала здесь, за этим столом. Вместе с вами.

Нож графа с тихим стуком замер на фарфоровой тарелке. Кристофер медленно поднял голову, и его черные ястребиные глаза сузились. В столовой мгновенно похолодало.

– Мне показалось, мисс Сэвилл, что вчера ночью я довольно ясно очертил границы ваших полномочий, – его голос прозвучал тихо, но в нем явственно послышался предупреждающий рокот грозы, которая все еще сверкала на горизонте. – Вы учите мою дочь наукам. Распорядок дня в этом доме определяю я. Оливия завтракает в своих комнатах, потому что ее присутствие за столом превращает любую трапезу в цирк. У меня нет времени на ее капризы.

– Это не капризы, милорд. Это изоляция, – Элизабет подалась чуть вперед, ее янтарно-карие глаза горели профессиональной решимостью. – Отсылая дочь наверх и, позволяя ей прятаться в четырех стенах, вы не наказываете ее. Вы даете ей понять, что она вам обуза. Что ее горе и ее бунт вам мешают. Девочке десять лет, она потеряла мать, а единственный близкий человек прячется от нее за чашкой кофе и деловыми бумагами.

Кристофер резко отложил приборы, Желваки на его резких скулах, прямо там, где белел след от ее ночной мази, заходили ходуном. Он оперся ладонями о край стола и слегка наклонился к ней. Расстояние между ними сократилось, и Лиза снова почувствовала ту самую пугающую, горячую

энергетику, которая исходила от него в библиотеке.

– Вы позволяете себе слишком многое, учительница, – процедил он сквозь зубы, и его взгляд опасно переместился на ее пухлые, упрямо сжатые губы. – Вы здесь меньше суток, а ведете себя так, словно имеете право судить о том, как я управляю своей семьей. Вы ничего не знаете о том. Какой была моя жена, и почему Оливия ведет себя именно так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.